

4. Официальный сайт Министерства финансов Украины [Электронный ресурс] // Міністерство фінансів України: [сайт] – Режим доступа: <http://www.minfin.com.ua>.
5. Только в пяти странах фондовые индексы в 2011 году выросли – рейтинг [Электронный ресурс] // [сайт] – Режим доступа: http://ria.ru/research_rating
6. Portfolio Investment: Coordinated Portfolio Investment Survey (CPIS) Data – Global tables [Электронный ресурс] // Официальный сайт Международного валютного фонда. – Режим доступа: <http://www.imf.org/external/np/sta/pi/global.htm>. – Portfolio Investment Assets: Top Ten Economies by Size of Holdings.
7. World Economic Outlook (April 2011). Tensions from the Two-Speed Recovery: Unemployment, Commodities, and Capital Flows [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2011/01>.
8. World Development Indicators [Электронный ресурс] // Официальный сайт Мирового банка. – Режим доступа: http://api.worldbank.org/datafiles/BX.KLT.DINV.CD.WD_Indicator_MetaData_en_Excel.zip- Foreign direct investment, net inflows (BoP, current US\$)
9. World Investment Report 2010. Investing in a low-carbon economy [Электронный ресурс] // United Nations Conference on Trade and Development: [сайт] - 2010. – Режим доступа: www.unctad.org/en/docs/wir2010_en.pdf.

УДК 330.101

АВСТРИЙСКИЙ ФУНДАМЕНТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ: ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ОТЦОВ-ОСНОВАТЕЛЕЙ АВСТРИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Минович Д.Н., аспирант кафедры «Финансы и банковское дело» ДонНТУ

Выявленные в исследованиях последних лет противоречивые процессы внутри неоклассического мейнстрима повысили интерес к методологическим дискуссиям в экономической науке. Однако сложность и многообразие поднимаемых вопросов делает нахождение консенсуса касательно философской основы исследований в экономике крайне проблематичной задачей, лишенной какой бы то ни было однозначности. Так, представитель «защитной методологии», если использовать терминологию Лакатоса, Дэниел Хаусман утверждает, что задачей методологов экономической науки является описание реальной работы экономистов, а наличие жестких нормативных критериев проверки теорий служит лишь тормозом бесконечного процесса накопления знаний [21, р. 119]. Несколько иное видение методологии экономической науки присуще авторам, отстаивающим нормативную ее роль. Ярким примером описанной методологии служат взгляды Саймона Дикселя. В отличие от Блауга, указывающего на неизбежность сравнения теоретических выкладок с фактами окружающей действительности [6, с. 150], Диксель решительно отвергает эмпиризм и постмодернизм, предлагая следовать прагматизму в качестве оправдания нормативной роли методологии [17, р. 119].

Однако все более распространенной точкой зрения среди современных методологов является следование так называемой «средней линии» в философии экономической науки, что означает признание принципа методологического плюрализма, оставляющего за ученым право самому определять метод исследований. Близкой к плюрализму методологии придерживается О. Ананьин. На современное состояние философии экономической науки, по его мнению, большое влияние оказала постпозитивистская волна [1, с. 413-414], что привело к взаимному сближению экономико-методологических и историко-научных исследований. Не менее значимым было и постмодернистское течение, провозгласившее отказ от традиционной нормативной методологии [1, с. 427]; следствием чего стало опасение усиления таких вненаучных критериев, как «продаваемость» результатов научных исследований, а также боязнь окончательной утраты барьера, отделяющего науку от ненаучных домыслов и предположений. Реакцией на такое положение вещей стало стремление определить границы методологического плюрализма без отказа от самого принципа: «С одной стороны, плюрализм предлагается поставить под контроль критики, с другой - сохранить нормативность методологии в рамках плюрализма, «делегировав» ее отдельным направлениям и школам экономической мысли» [1, с. 427].

В научном сообществе в сложившихся условиях создаются предпосылки для активизации и усиления влияния альтернативных мейнстриму течений экономической мысли, одним из которых является концепция австрийской экономической школы, переживающей в последнее время период возрождения и оживления интереса научного сообщества к своим достижениям в различных областях экономических исследований. Тем не менее, основная масса современных ученых-экономистов или не знакома с достижениями и работами австрийцев в сфере методологии, или не совсем верно трактует фундаментальные постулаты и принципы австрийской традиции, в корне отличающие ее от альтернативных взглядов в философии науки. Кроме того, в научном сообществе сложилось неверное представление об истинных философско-методологических воззрениях основателей этой концепции, заложивших в своих трудах ее начала. [5, с. 275-305; 7, с. 175-185].

Таким образом, целью представленной публикации служит выявление подлинных философско-методологических принципов основоположников австрийской школы в экономической науке, получивших дальнейшее развитие в работах их последователей и легших в основу фундамента австрийской традиции. Кроме того, необходимо обратить особое внимание на ключевые элементы методологической концепции современной австрийской школы, подчеркивающие ее индивидуальность и принципиальную несхожесть с философской основой неоклассического мейнстрима. Результатом проводимых исследований должно стать осознание того, в каких сферах достижения этой школы могут быть полезными для решения задач, стоящих перед современной экономической наукой, а также чем они могут обогатить современные методологические основы рассматриваемой дисциплины.

Разработанная Карлом Менгером динамическая субъективистская концепция австрийской экономической школы берет начало в трудах схоластов испанского золотого века [13, с. 43-52; 14, с. 369; 20; 22, р. 28], учения которых были по достоинству восприняты и дополнены методологическим инструментарием несколькими приверженцами философии *laissez faire* XVII-XVIII веков [13, с. 52-56; 28, р. 111-114; 36, р. 345-362]. Это ни в коей мере не уменьшает заслуг самого Менгера, сумевшего систематизировать разрозненные теоретические постулаты в единую взаимосвязанную экономическую теорию. Как замечает Уэрта де Сото, наиболее существенным вкладом Менгера в экономическую науку, помимо открытия закона предельной полезности, сделанного им хоть и независимо, но параллельно с Джевансом и Вальрасом, стала его субъективистская концепция всех процессов, связанных с человеческой деятельностью [13, с. 56-60].

В свете рассматриваемой темы для нас в первую очередь интерес представляют методологические особенности, присущие исследованиям основателя австрийской экономической школы. В этой связи заслуживает внимания выполненный Гвидо Хюльсманом анализ «Оснований» и отмеченная методологическая специфика, используемая их автором. Хюльсман, безусловно, говорит о важности сформулированных Менгером учений о благах, их ценности и процессе обмена, но не упускает из виду и философскую компоненту рассматриваемого трактата, являющуюся ее стержнем [28, р. 104-105]. Любое экономическое явление или закон, утверждает Менгер, зиждется и формируется исходя из взаимодействия наипростейших людских качеств, под которыми имеются в виду индивидуальные потребности и цели каждого человека [38, р. 7]. Именно из этих «строительных блоков» выстраиваются комплексные феномены и структура любой экономической теории, а экономический анализ без знания указанных базовых элементов не представляется возможным.

В дальнейшем предложенный Менгером философский постулат, легший в основу методологии австрийской школы, получил название принципа *методологического индивидуализма*, о чем упоминает Фридрих фон Хайек [22, p. 276]. И хотя сам Менгер называл свой метод «эмпирическим», он имеет принципиальное отличие от эмпиризма, используемого в точных науках. В отличие от естественнонаучных явлений и законов, которые устанавливаются непосредственно опытным путем в процессе осуществления экспериментов и могут быть продемонстрированы и измерены эмпирически, фундаментальные основы социальных наук не обладают столь легко демонстрируемой наглядностью и должны быть заранее известны исследователю, приступающему к анализу общественных процессов и человеческих поступков [22, p. 277]. Схожий тезис высказывает и Хьюлсман, указывая на природное отличие метода, используемого Менгером, от экспериментальных методов современных эмпирических наук; основным инструментом теоретизирования основателя австрийской школы были аналитико-дедуктивные рассуждения, отталкивающиеся от первоначально эмпирически установленных явлений и свойств индивидуумов [28, p. 105-106].

Методологическая концепция Менгера базируется на использовании понимания (*understanding*) в качестве критерия оценки действий экономических агентов. Он полагал, что в процессе анализа поступков других индивидуумов исследователь социальных наук имеет возможность опираться на собственное восприятие тех или иных ситуаций, ставить себя на место оцениваемого субъекта и использовать полученные в результате самонаблюдения выводы при подведении итогов, тогда как исследователь в естественных науках изначально лишен столь ценного источника получения знания об интересующих его феноменах [22, p. 277]. Следует подчеркнуть, что сам Менгер отводил используемому «эмпирическому методу» (в своей работе Менгер употребляет несколько наименований предложенного метода, как то “empirical method” (эмпирический метод), “exact method” (точный метод), “analytical-synthetic” (аналитически-синтетический) или “analytical-compositive” (аналитически-комбинированный) метод [11; 28, p. 106]) немаловажное значение, преподнося его как свое наиболее существенное методологическое новшество, опираясь на которое в письме Леону Вальрасу в феврале 1884 года основатель австрийской школы доказывал неприемлемость математического аппарата в качестве инструмента экономических исследований [29, p. 521]. Менгер отмечал преимущества вербального метода, единственно способного передать сущность экономических явлений, на что математический язык не способен в принципе, отражая лишь количественные соотношения переменных при определенных условиях и в указанное время [7, с. 187-188; 13, с. 17; 28, p. 107; 38, p. 8-9].

Неприемлемость математических формулировок в качестве обоснования экономических теорий, отмечаемая Менгером и ставшая в последствие постулатом его школы, вытекает не столько из дискретности анализа, используемого австрийцами [7, с. 187; 38, p. 10], сколько из философии эссенциализма, почерпнутого в трудах Аристотеля и Канта и разделяемого автором «Оснований» [38, p. 8-9]. Именно поэтому язык математики бесполезен в деле изучения экономических отношений, будучи неспособным отразить сущность и продемонстрировать природу явлений, вызвавших их. Исходя из описанной философской позиции Менгер категорически не приемлет какой-либо формы эмпирического «тестирования» в равной степени как своей методологической доктрины в целом, так и теоретически выведенных из нее положений в частности, считая их истинными априорно [38, p. 12].

Подытоживая сказанное, можно выделить вклад Менгера в дело формирования методологии австрийской школы: в основе трактовки любой экономической теории и комплексного явления лежат базовые элементы человеческого бытия – *индивидуальные потребности, цели и желания людей*, исходя из знания которых представляется возможным оценивать факты и процессы, происходящие в экономике. Такие взгляды на Philosophy of Economics принципиально расходились с общепринятой в то время позицией немецкой исторической школы, представители которой сочли учение Менгера угрозой пропагандируемому ими историзму, а также видели мало пользы в абстрактных размышлениях и были озабочены только практическими вопросами управления и экономической историей [38, p. 6]. В результате антагонизма двух точек зрения разразился так называемый Methodenstreit – знаменитая дискуссия о методах, на долгое время поглотившая интеллектуальную энергию Менгера [1, с. 388-394; 2, с. 9-14; 7, с. 201-202; 13, с. 63-65; 28, p. 117-125; 32, p. 7-18, 20-21; 38, p. 6-7]. Пытаясь опровергнуть тезис оппонентов о том, что знание может считаться обоснованным только в случае его получения посредством эмпирических наблюдений и сбора данных, относящихся к конкретной исторической ситуации, в 1883 году Менгер публикует работу под названием «Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности» [10; 38, p. 6], в которой доказывает необходимость наличия двух равно значимых дисциплин для познания социальной действительности, дополняющих друг друга, но радикально отличающихся в плане эпистемологии. Под первой он понимает историю, которая проявляется в форме эмпирических фактов, характеризующих отдельное историческое событие. Вторая – это теория, передающая сущность экономических явлений; она выявляется путем интроспекции или внутренней рефлексии ученого. Построение теории, в противоположность истории, осуществляется логически-дедуктивным методом, основываясь на ясном аксиоматическом знании [13, с. 63-64; 22, p. 280-281].

Вопреки отсутствию единой точки зрения на то, кто же в этом споре оказался прав, для становления философии австрийской школы Methodenstreit имел очень важное значение. Кроме того, что спор стал наглядной возможностью продемонстрировать неизбежные методологические различия между науками о человеческой деятельности и естественными науками [13, с. 65], он также позволил отчетливо увидеть индивидуальность философской основы традиции, отличающую ее от других школ и течений в экономической науке [38, p. 6-7].

Не менее важный вклад в развитие австрийской школы после ее основателя внес Ойген фон Бём-Баверк – самый яркий из последователей Карла Менгера [13, с. 67-91; 28, p. 141-150; 32, p. 6; 38, p. 10-12]. Будучи прирожденным ученым, внимание Бём-Баверка было сосредоточено исключительно на проблеме и ее решении, а общие методологические толки вызывали у него скуку, и он крайне редко обращался к ним [3, с. 20-21; 38, p. 11]. Сам Бём-Баверк пишет об используемой методологии в предисловии к первому изданию «Позитивной теории капитала». Он открыто заявляет о том, что в своих исследованиях пользуется всеми известными ему методами, когда-либо применяемыми в экономической науке, и делает это лишь с одной целью – расширить границы познания и приблизиться к пониманию истинной сущности экономических явлений: «Я свободен – или по крайней мере стараюсь быть свободным – от всякой методологической однобокости. Я убежден, что не существует единственно доступного метода исследования: напротив, хорош любой метод, который в каждом конкретном случае ведет к познанию» [4, с. 25]. Будучи непосредственным свидетелем Methodenstreit, Бём-Баверк сравнивает свой подход с господствующим на тот момент подходом исторической школы, не упуская возможности подчеркнуть преимущества своего метода: «Судя по всему, я пользуюсь методом исследования, который является самым подходящим для особой природы теоретических проблем капитала: абстрактным по форме, но эмпирическим по своей сути; причем, как мне кажется даже более эмпирическим, чем могут заявить о своем методе сторонники исторической школы, преследующие в своих исследованиях ту же цель» [4, с. 25].

Ни в коем случае не уменьшая значимости эмпирических фактов, он указывает на совершенно разную природу источников получения таких сведений, а, следовательно, и сфер их применения: «В моей книге преимущественно используется способ изложения, который принято называть – зачастую с легким оттенком осуждения – «абстрактным». Тем не менее я заявляю: в моей теории нет ничего, что не опиралось бы на *эмпирическое* основание, просто существуют разные способы обращения с эмпирикой. Эмпирические факты, на которые мы опираемся, можно черпать из истории экономики, можно – из статистики, а можно – из скромных непосредственных наблюдений за повседневной жизнью. Ни один из этих трех способов не может претендовать на монополию, у каждого из них есть особая, своеобразная область применения» [4, с. 23]. Отмечая гораздо более широкий охват данных с помощью истории или статистики, тем не менее Бём-Баверк говорит о неминусовой «заангажированности» полученных в таком случае сведений, так как их отбор в той или иной степени осуществляется под влиянием предварительно имеющихся теорий или гипотез [4, с. 23].

Тем не менее, по словам самого Бём-Баверка, он старался рассмотреть исследуемую проблему капитала и процента под всеми возможными углами зрения, не открещиваясь и от использования методов истории и статистики; однако Бём-Баверк явно подчеркивает ограниченность предлагаемого инструментария и недостаточность представляемых ими сведений для решения поставленной задачи: «Именно теория капитала должна учитывать множество фактов, не зафиксированных историей и статистикой. Отчасти это необходимо потому, что последние неспособны к этому по своей природе, отчасти потому, что до сих пор их внимание к роли подобных фактов не

привлекалось... Здесь мне пришлось волей-неволей обратиться к другим источникам и способам познания, помимо истории и статистики» [4, с. 24].

Под «другими источниками и способами познания» Бём-Баверк предлагает прибегнуть к помощи метода личных наблюдений, относительно узкого, но способного проникнуть вглубь явления и максимально приблизить исследователя к сути изучаемого феномена [4, с. 24]. Только совмещение результатов двух методов познания, по мнению Бём-Баверка, может привести к подлинно достоверным результатам научного исследования; использование же какого-то одного из них не позволит утверждать о надежности и ценности полученных результатов [38, р. 12].

Таким образом, методологические установки Бём-Баверка и Менгера имеют общие философские основы: оба корифея австрийской школы использовали в качестве фундамента разработанных парадигм индуктивно собранные эмпирические факты, обработанные и отобраные при помощи интроспекции. Применяемая ими доктрина *Verstehen* выполняла роль фильтра, сортирующего явления окружающей действительности и посредством рефлексии способного уловить ускользающую от приспешников иной методологической установки сущность изучаемых феноменов, скрытую под вуалью огромной массы исторических и статистических сведений.

История и статистика не способны справиться с поставленной задачей, так как отражаемые ими факты и события вызваны действием нескольких или даже многочисленных пересекающихся мотивов и обстоятельств, и результат их взаимодействия «...зависит от количества, специфики и даже взаимной интенсивности одновременно действующих побудительных сил» [4, с. 326]. Опираясь на это знание в последней части третьей книги «Позитивной теории» есть методологический раздел, где Бём-Баверк возражает немецким теоретикам, отрицающим возможность существования общей теории цен. Опираясь на приведенную аналогию [4, с. 324], Бём-Баверк объясняет то, что происходит в области, связанной с феноменом ценообразования. Специалисту по теории цены «...следует начать с формулировки закона для простого базового явления. Если он не сможет найти рациональное основание для определения цены при наличии единственного мотива, он тем более потратит время напрасно, если будет пытаться понять сложноорганизованные явления, возникающие в результате взаимодействия многочисленных разнородных мотивов» [4, с. 328]. Таким образом, Бём-Баверк разделяет проблему теории цены на две части: первая часть связана с необходимостью сформулировать закон для базового явления, максимально избавив его от воздействия искажающих факторов; вторая часть задачи заключается в необходимости учесть в базовом законе те «аномалии», которые вызваны воздействием дополнительных мотивов и практических обстоятельств [4, с. 329]. Для решения указанных проблем требуются совершенно разные методы: первая постигается посредством абстрактно-дедуктивных рассуждений через призму интроспекции и рефлексии исследователя; в поисках ответов на вторую необходимо прибегнуть к помощи исторического метода, а также статистических сведений [4, с. 330]. Ища ответ на основную задачу и используя заявленный методологический инструментарий, Бём-Баверк выделяет индивидуальные предпочтения и субъективные ценностные оценки в качестве фундамента разрабатываемых им доктрин и всей экономической науки в целом. То есть, Бём-Баверк приходит к тем же эпистемологическим принципам, что и Менгер [38, р. 11].

Еще одним теоретиком австрийской школы, стоявшим у ее истоков, был Фридрих фон Визер, унаследовавший кафедру Менгера в Венском университете [7, с. 194-197; 13, с. 88-89; 28, р. 150-162]. Тем не менее, взгляды Визера на философию экономической науки сложно оценить однозначно. В качестве одного из двух основных источников «вдохновения» к написанию своих трудов Визер считал работы английских маржиналистов Госсена и Джевонса, что контрастировало с выбором ориентира Бём-Баверком; вторым источником разумеется были трактаты Карла Менгера [28, р. 153-154]. Заслуживает внимания позиция Визера во время *Methodenstreit*. Хотя формально в споре он и принял сторону Менгера, однако его взгляды были расценены как попытка поиска компромисса между противоборствующими сторонами. К тому же, исследования Визера были больше направлены на выявление количественных взаимосвязей изучаемых явлений, тогда как Менгера больше интересовала их качественная характеристика [28, р. 155]. Следуя научным тенденциям конца XIX века, Визер рассматривал процесс познания как психологический феномен, исходя из утверждения, что ценность является психологической категорией, а также может быть измерена [28, р. 155].

Хьюльсман и Уайт подчеркивают расхождение во взглядах Визера и Менгера, касающиеся не только категории ценности и цены, но и природы экономической науки в целом [28, р. 159; 38, р. 11], а использование Визером математического аппарата для придания результатам его исследований большей наглядности делают очевидным то обстоятельство, что Визер находился в большей степени под влиянием не австрийской, а лозаннской школы [13, с. 88-89]. Обращает на себя внимание и тот факт, что Мизес, отдавая должное признанию научным сообществом Визера как уважаемого и выдающегося ученого, тем не менее, не считал его оригинальным творцом, а выдвинутые Визером идеи полагал скорее вредными, нежели полезными с точки зрения развития австрийской экономической традиции [33, р. 27-28]. Показательным служит тот факт, что Мизес сомневался даже в истинном понимании Визером сути австрийской теории ценности, являющейся основой всей философии школы: «Ложное представление о том, что ценности измеримы и реально измеряются в ходе экономических сделок, укоренилось настолько глубоко, что даже выдающиеся экономисты стали его жертвами. Даже Фридрих фон Визер и Ирвинг Фишер считали не требующим доказательства, что существует нечто похожее на измерение ценности и экономической теории должна продемонстрировать и объяснить метод, с помощью которого такое измерение осуществляется» [12, с. 194]. Тем не менее, часть представителей последующих поколений австрийской традиции, среди которых можно выделить Ханса Майера, Лео Зенфельда, Пауля Н. Розенштейна-Родана и некоторых других, осталась верной взглядам Визера и попыталась сохранить психологию как основу экономической теории [38, р. 13].

Среди представителей современного поколения австрийской школы, принимающих участие в дискуссиях, посвященных методологическим вопросам экономической науки, можно выделить Ганса-Германа Хоппе [24], Питера Бёттке [16], Джозефа Салерно [37], Йорга Гвидо Хьюльсмана [27], Джона Онилла [34], Уолтера Блока [15], Пьера Перона [35], Родерика Лонга [31], Франсуа Фаччини [18], Томаса Вудса [39], Питера Левина [30], Анджела Гарсия-Бразалеса [19] и некоторых других. Все эти ученые пытаются отстоять правоту австрийской методологической концепции, имеющей кардинальные различия с философской основой господствующей неоклассической парадигмы [13, с. 3-6; 26, р. 78-79].

Выполняя сравнительный анализ двух философско-методологических взглядов в экономической науке, необходимо выделить ряд принципиальных и существенных моментов. Отличительная черта, сильнее всего подчеркивающая различие подходов австрийской экономической школы и неоклассической доктрины, заключается в *рассмотрении экономической науки как теории деятельности* [8; 12; 23; 25], которая намного шире концепции принятия решения, используемой учеными-неоклассиками. С позиции представителей австрийской традиции предметом экономических исследований следует рассматривать человеческую деятельность, представляющую собой процесс ряда взаимодействий и актов согласованного координирующего поведения, проявляемого индивидом в его предпринимательских усилиях [13, с. 7-8; 26, р. 76-77]. Не менее ключевым аспектом австрийской методологии является ее *субъективизм*, придающий первостепенное значение индивидуальным действиям, рассматриваемым в качестве главной движущей силы всех общественных процессов [13, с. 8-9; 26, р. 77]. Из этого следует австрийская *концепция предпринимательства* [8], интерпретирующая явления реального мира через призму динамических изменений, чуждых моделям равновесия неоклассических авторов [13, с. 10; 26, р. 80].

Важным мотивом разногласия двух взглядов является также то, что равновесный неоклассический подход игнорирует *эффект координации*, связываемый австрийцами именно с предпринимательством [8; 12, с. 259-301; 14, с. 41-68]. Запускаемый предпринимателями, ищущими возможность получения прибыли, стихийный процесс не только порождает создание и передачу новой информации, а, что еще более важно, *способствует координации* рассогласованного поведения участников общественного взаимодействия и объясняет свойственную рыночной системе хозяйствования тенденцию к равновесию, которое остается недостижимым на практике. Жесткое разделение современной теорией экономических проблем на микро- и макроуровни рассматривается австрийцами не только бессмысленным, но и опасным, так как вводит исследователя в заблуждение и не предполагает единого общего решения, рекомендуя различные рецепты выхода из ситуации в зависимости от выбранного аспекта и угла зрения [13, с. 14-15; 26, р. 82-83]. Еще один камень преткновения между австрийцами и неоклассиками заключается в использовании математических формулировок при проведении экономического анализа. Язык математической логики чрезвычайно удобен для формулировки изучаемых неоклассическими учеными

состояний статичного рівноважия, однак он безпліден в ділі відображення суб'єктивності часу і підприємницького творчості, являються основними аспектами аналітичних досліджень австрійської школи [10; 12; 13, с. 17-18; 26, р. 84-85].

І саме важке, методологічне установки австрійської і неокласическої традицій мають діаметрально протилежне представлення о *соотношении теоретического знания с эмпирическим миром фактов*, а також о *возможности и корректности научных предсказаний*. Сам факт того, що сторонній спостерігач (учений) не має можливість отримання суб'єктивної інформації, постійно створюваної і відкриваної діючими суб'єктами, виступаючими в ролі основної рухомої сили процесу соціального взаємодія, слугує головним аргументом австрійців в користь їх мненія о неможливості емпіричного підтвердження або опроверження економічної теорії. То є дослідник економічних явищ в кращому випадку здатний сформулювати загальні прогнози тенденцій або так звані структурні передбачення (pattern predictions) [14, с. 363-377], які несуть виключно теоретичний і якісний характер і не можуть вказати що-небудь не тільки о точному місці або часі конкретного очікуваного подія, але і о ймовірності його настання. Крім того, несомненим перевагою використовуваної ними методологічної концепції австрійців вважають представляють їм можливість виявлення несостоятельних теорій, маскування на сьогоднішній день емпіричними методами і прийомами, черпаючими своє початок в статичних моделях рівноважия неокласическої парадигми [13, с. 18-23; 26, р. 85-88].

Важкою тенденцією сучасної економічної науки розглядається те обставина, що, залишаючись по-прежнему основним консолідуючим теченням, неокласический підхід все більше розширюється за рахунок нових досягнень інституціоналізму. І хоча неонституціоналізм розглядається в певному сенсі як альтернатива неокласическому напрямку економічної теорії, філософська і методологічна основа вказаних концепцій має мало відмінностей. Світової фінансової кризи, розвинутої в кінці минулого десятиліття, опроверг все те заперечення маститих учених неокласическої і неонституціональної парадигми о неможливості подібного сценарія в столь глобальному масштабі (о чому красномовно свідчать роботи Пола Кругмана «Возвращение Великой депрессии? Мировой кризис глазами нобелевского лауреата» [9], в якій автор різко осуджає столь бездумну самоуверенність своїх колег), а заходи по виходу з склалогося положення, рекомендувані представителями цих традицій, до нинішнього моменту не дали потрібного ефекту. Авторитет економіки як науки опав серйозно під ударом, тому що учені-економісти не змогли передбачити таке важке подія, дати його адекватний всесторонній аналіз і розробити план дієвних заходів, направлених на виправлення совершених помилок. Тем не менше, склалогося в роботі глобальної економічної системи представив можливість правильно оцінити результати багаторічного кропітлого праці представителів австрійської традиції і підвергнути перегляду ряд устоявшихся положеній в області вивчаної дисципліни.

Під впливом кризових процесів, спостережаних як в масштабах світової економічної системи, так і в межах окремих країн і регіонів, областю економічної науки, де зосереджені найбільш важкі досягнення і відкриття учених австрійської економічної школи, вважають *сферу функціонування грошей, кредиту, фінансових ринків, а також теорію капіталу і процента*, які побудовані на міцному методологічному фундаменті і відображають положення речей в виробничій структурі реальної економіки. Іменно тут стоїть шукати ключ до рішення актуальних сьогодні економічних проблем і орієнтирів подальшого розвитку економічної теорії і мислі.

РЕЗЮМЕ

В статті приведено філософсько-методологічні принципи засновників австрійської школи в економічній науці, отримавші подальше розвиток в роботах їх послідовників і лягли в основу фундаменту австрійської традиції. Виділено ключові елементи методологічної концепції сучасної австрійської школи, що підкреслюють її відмінності з філософською основою неокласического мейнстріму.

Ключевые слова: методологія, австрійська економічна школа, концепція *Verstehen*, методологічний суб'єктивізм, структурні передбачення.

РЕЗЮМЕ

У статті наведено філософсько-методологічні принципи засновників австрійської школи в економічній науці, що одержали подальший розвиток у роботах їх послідовників і лягли в основу фундаменту австрійської традиції. Виділено ключові елементи методологічної концепції сучасної австрійської школи, що підкреслюють її відмінності з філософською основою неокласического мейнстріму.

Ключові слова: методологія, австрійська економічна школа, концепція *Verstehen*, методологічний суб'єктивізм, структурні передбачення.

SUMMARY

The article presents the philosophical and methodological principles of the founders of the Austrian school of economics, elaborated in the works of their followers, and which served as basis for the foundation of the Austrian tradition. Highlights the key elements of the methodological concept of modern Austrian school, highlighting its differences with the philosophical foundation of the neoclassical mainstream.

Keywords: methodology, the Austrian School of Economics, the concept of *Verstehen*, methodological subjectivism, pattern predictions.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

1. Ананшин О.И. Философия и методология экономической науки // Философия социальных и гуманитарных наук / Под общ. ред. С.А. Лебедева. – М.: Академический проект, 2006-2008. – Сер. «Gaudeamus». С. 353-436.
2. Ананшин О.И. Экономика: наука и/или искусство (научный доклад). – М.: Институт экономики РАН, 2007. – 66 с.
3. Бём-Баверк, Ойген фон. Избранные труды о ценности, проценте и капитале / Ойген фон Бём-Баверк; [предисл. Й.А. Шумпетер; пер. с нем. Л.И. Форберга, А. Санина; пер. с англ. Н.В. Автономовой; пер. с лат. А.А. Россиса]. – М.: Эксмо, 2009. – 912 с. – (Антология экономической мысли).
4. Бём-Баверк О. фон. Капитал и процент; Т.2: Позитивная теория капитала; Т.3: Эскурсы / Ойген фон Бём-Баверк; пер. с англ. В. Кошкина под ред. А.В. Куряева. – Челябинск: Социум, 2010. – 916 с.
5. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. Пер. с англ., 4-е изд. – М.: «Дело ЛТД», 1994. – 720 с.
6. Блауг Марк. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. Пер. с англ. / Науч. ред. и вступ. ст. В.С. Автономова. – М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. – 416 с.
7. История экономических учений / Под ред. В. Автономова, О. Ананшина, Н. Макашевой: Учеб. пособие. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 784 с.
8. Кирцнер И. Конкуренция и предпринимательство / Израэл Кирцнер; пер. с англ. А.В. Куряева и Д.А. Бабушкина под ред. А.В. Куряева. – Челябинск: Социум, 2010. – XIV + 272 с. (Серия: «Австрийская школа» Вып. 23).
9. Кругман П. Возвращение Великой депрессии? Мировой кризис глазами нобелевского лауреата / Пол Кругман; [пер. с англ. В.Н. Егорова, под ред. Л.А. Амелехина]. – М.: Эксмо, 2009. – 336 с. – (Экономика: мировые тенденции).
10. Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Избранные работы. – М.: Территория будущего, 2005. – С. 287-495.
11. Менгер К. Основания политической экономии // Менгер К. Избранные работы. – М.: Территория будущего, 2005. – С. 57-286.
12. Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / Людвиг фон Мизес; пер. с 3-го исп. англ. изд. А.В. Куряева. – Челябинск: Социум, 2008. – 878 с. (Серия: «Австрийская школа». Вып. 3)
13. Уэрта де Сото Х. Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество / Хесус Уэрта де Сото; пер. с англ. Б.С. Пинскера под ред. А.В. Куряева. – Челябинск: Социум, 2009. – viii + 202 с. (Серия «Австрийская школа» Вып. 21).
14. Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок / Фридрих Хайек; пер. с англ. О.А. Дмитриевой под ред. Р.И. Капелюшниковой. – Челябинск: Социум, 2011. XXVIII + 394 с. (Серия: «Австрийская школа». Вып. 24).

15. Block, W. Realism: Austrian vs. Neoclassical Economics, Reply to Caplan // The Quarterly Journal of Austrian Economics, Vol. 6, No. 3 (Fall 2003), pp. 63-76.
16. Boettke, P.J.; López, Ed.J. Austrian Economics and Public Choice // The Review of Austrian Economics, Vol. 15, No. 2-3 (2002), pp. 111-119.
17. Deichsel Simon. The usefulness of truth: an enquiry concerning economic modeling // Erasmus Journal for Philosophy and Economics, Vol. 3, Is. 1, 2010, pp. 119-122.
18. Facchini, F. Apriorism, Introspection, and the Axiom of Action: A Realist Solution // The Quarterly Journal of Austrian Economics, Vol. 10 (2007), pp. 234-249.
19. García-Brazales, Á.R. Austrian Economics as a Progressive Paradigm: Explaining More Complex Economic Phenomena // The Review of Austrian Economics, Vol. 15, No. 4 (2002), pp. 335-357.
20. Grice-Hutchinson, Marjorie. The School of Salamanca: Readings in Spanish Monetary Theory, 1544-1605 // Oxford: Clarendon Press, 1952.
21. Hausman, Daniel M. Economic Methodology in a Nutshell // The Journal of Economic Perspectives, Vol. 3, No. 2 (Spring, 1989), pp. 115-127.
22. Hayek, Friedrich August. New Studies in Philosophy, Politics, Economics and the History of Ideas // Routledge and Kegan Paul, 1978.
23. Hoppe, H.-H. The Economics and Ethics of Private Property: Studies in Political Economy and Philosophy. Auburn, Alabama: The Ludwig von Mises Institute, 2006.
24. Hoppe, H.-H. The Limits of Numerical Probability: Frank H. Knight and Ludwig von Mises and the Frequency Interpretation // The Quarterly Journal of Austrian Economics, Vol. 10, No. 1 (Spring 2007), pp. 3-21.
25. Hoppe, H.-H. Economic Science and the Austrian Method. Auburn, Alabama: The Ludwig von Mises Institute, 2007.
26. Huerta de Soto, Jesus. The Ongoing Methodenstreit of the Austrian School // Journal des Economistes et des Etudes Humaines, Vol. 8, numéro 1, Mars 1998, pp. 75-113.
27. Hülsmann, Jörg Guido. Economic Science and Neoclassicism // The Quarterly Journal of Austrian Economics, Vol. 2, No. 4 (Winter 1999), pp. 3-20.
28. Hülsmann, Jörg Guido. Mises. The Last Knight of Liberalism // Auburn, Alabama: The Ludwig von Mises Institute, 2007.
29. Jaffé, William. Menger, Jevons and Walras De-Homogenized // Economic Inquiry, Volume 14, Issue 4 (December 1976), pp. 511-524.
30. Lewin, P. The Development of Austrian Economics: Revisiting the Neoclassical Divide // The Review of Austrian Economics, Vol. 14, No. 4 (2001), pp. 239-250.
31. Long, R.T. Realism and Abstraction in Economics: Aristotle and Mises versus Friedman // The Quarterly Journal of Austrian Economics, Vol. 9, No. 3 (Fall 2006), pp. 3-23.
32. Mises, Ludwig von. The Historical Setting of the Austrian School of Economics // Auburn, Alabama: The Ludwig von Mises Institute, 2003.
33. Mises, L. Memoirs. Auburn, Alabama: The Ludwig von Mises Institute, 2009.
34. O'Neill, John. "Radical Subjectivism": Not Radical, Not Subjectivist // The Quarterly Journal of Austrian Economics, Vol. 3, No. 2 (Summer 2000), pp. 21-30.
35. Perrin, P. Hermeneutic Economics: Between Relativism and Progressive Polylogism // The Quarterly Journal of Austrian Economics, Vol. 8, No. 3 (2005), pp. 21-38.
36. Rothbard, M.N. Economic Thought Before Adam Smith: An Austrian Perspective on the History of Economic Thought, Volume I // Edward Elgar Publishing Ltd, 2006.
37. Salerno, J. The Rebirth of Austrian Economics – In Light of Austrian Economics // The Quarterly Journal of Austrian Economics, Vol. 5, No. 4 (2002), pp. 111-128.
38. White Lawrence. The Methodology of the Austrian School Economists // Auburn, Alabama: The Ludwig von Mises Institute, 2003.
39. Woods, Thomas E. Jr. What Austrian Economics Can Teach Historians // The Quarterly Journal of Austrian Economics, Vol. 11 (2008), pp. 219-229.

УДК 001.895

ТРАНСФОРМАЦІЯ СВІТОВОГО БІОТЕХНОЛОГІЧНОГО СЕКТОРУ: ТЕНДЕНЦІЇ, ПРОБЛЕМИ ТА ПЕРСПЕКТИВИ ІННОВАЦІЙНОГО РОЗВИТКУ КРАЇН

Миронішина О.В., Донецький національний університет, ст. викладач кафедри «Міжнародна економіка»

Актуальність. Біотехнологія є вагомим і перспективним фактором розвитку світового виробництва, застосовується практично у всіх секторах світової економіки та демонструє значні потенційні переваги. Світ вступив в інформаційну епоху, а високорозвинені країни зрозуміли важливість інноваційного розвитку своєї економіки десятки років тому. Країни, що задають високі наукові стандарти, стануть володарями технологій і володарями виробництва.

Сьогодні біотехнологію можна вважати найбільш успішним напрямком фармацевтичної промисловості. У біологічні технології спрямовують найбільше інвестицій, що помітно збільшує номенклатуру біотехнологічних препаратів на світовому фармацевтичному ринку. Якщо в 2007 р. Управління з контролю за харчовими продуктами та лікарськими засобами США (Food and Drug Administration — FDA) схвалило 16 нових малих молекул і 2 біотехнологічних препарати, то в 2008 р. було схвалено 20 нових хімічних сполук і 4 нових біотехнологічних препарати (у 2009 р. загальна кількість нових препаратів сягнула 25, щоправда, минулого року тенденція знов пішла на спад: 21 нова молекула). Компанії все більше уваги приділяють розробкам у напрямку генетики з метою створення так званих малих молекул. Найперспективнішими вважаються моноклональні антитіла. Помітно поширився асортимент біотехнологічних препаратів. У 1998 р. питома вага препаратів біологічного походження на фармринку становила лише 5%, в 2010 - 12%. На майбутнє обсяг збільшення реалізації біотехнологічних препаратів планується на рівні 14%, тоді як звичайних фармпрепаратів — лише на рівні 5,4%. [5]

Постановка проблеми. Досвід розвитку багатьох країн показує, що переважна частина технологічних активів поступає до національної економіки країни, яка розвивається, саме на перших етапах її переходу до економіки знань, за умов створення сприятливих внутрішніх умов для трансферу технологій. Тому ефективне залучення новітніх технологій, зокрема, біотехнології в економіку будь-якої країни, є завданням пріоритетного значення.

Але слід зазначити, що сьогодні, незважаючи на оптимізм щодо світового розвитку біотехнології, трансформаційні зміни, що відбуваються в секторі внаслідок процесу глобалізації та об'єктивного впливу світової економічної кризи, існує чимало проблем у цій сфері. Це стосується і фармацевтичного сектору. Тому особливої уваги потребує **проблема** виявлення протиріч, що виникають в процесі трансформації біотехнологічного сектору світової економіки, з метою оцінки наслідків для країн з різним рівнем розвитку, аналізу світових тенденцій, а також розробки рекомендацій для ефективного інноваційного розвитку країн, що розвиваються.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Питанням сучасного розвитку біотехнології присвячено дослідження експертів ОЕСР, зарубіжних та вітчизняних вчених, зокрема, Й. Рогова, К. Лебедева, П. Харченка, В. Швеца, Л. Жиганової, Н. Кузьминої, Я. Блюма, Д. Гродзинського, О. Дембновецького, О. Левчука, В. Новікова, Ю. Сидорова, О. Швед тощо. У працях зазначених авторів висвітлюються питання важливості біотехнології, яка буде визначати положення нації у XXI ст. на світовій арені; специфіки розвитку цієї технології у різних країнах світу; широкого використання її протягом останніх двох десятиріч у різноманітних видах діяльності, що призвело до